

Мне Брамса сыграют – я вздрогну, я сдамся...

Общая газ. - 2000 -
7-13 дек. - с. 10

Больше двадцати лет Олег Каган и Наталия Гутман исполняли вместе Двойной концерт

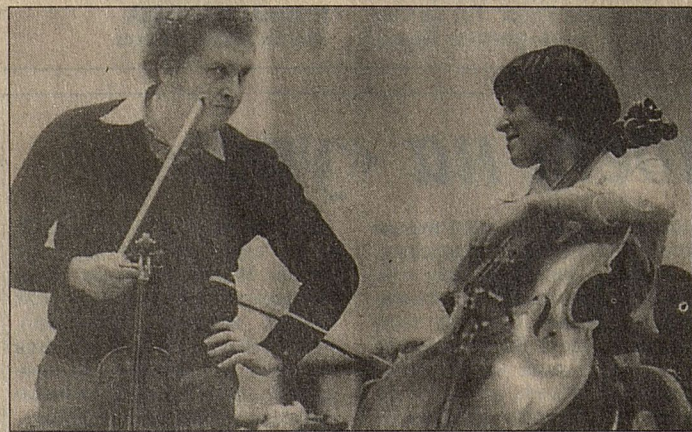
ГОСПОДИ, сколько великих рецензий написано великими поэтами, и все они слово в слово, будто специально адресованы великому артисту, память которого почтили любители музыки, друзья и коллеги, съехавшиеся из разных стран Европы на Первый Международный музыкальный фестиваль «Посвящение Олегу Кагану».

Любовь слушателей, учеников, коллег, обожаемый и обожавший Олега партнер, считавший его своим сыном, – Maestro С. Рихтер, любимая и любящая жена – Наталия Гутман (Олег в шутку говорил про себя: «я – маленький скрипач, муж великой виолончелстки»), двое малых детей с маленькими скрипками в руках, и третий, постарше, тоже скрипач, мать, не чаявшая души в единственном сыне, – со всем этим Олег был разлучен безжалостно и навсегда 15 июля 1990 года, через два дня после того, как, мучимый приступами невыносимой боли, гениально сыграл на сцене придуманного им фестиваля в Кройте Симфонию-кончертанта Моцарта вместе со своим другом Юрием Башметом.

Состоявшийся на исходе уходящего века фестиваль стал естественным, но от этого не менее чудесным воплощением памяти и любви к замечательному музыканту. И то, что в нем участвовали лучшие артистические силы Европы, так же естественно и чудесно, как то, что они приехали и играли в Москве безвозмездно, перекроив

свои планы, прервав гастроли. Юрий Башмет, Элисо Вирсаладзе, Джансуг Кахидзе, Алексей Любимов, Виктор Третьяков – все эти большие артисты были друзьями и партнерами О. Кагана. Другие, как, например, музыканты известного во всем мире ансамбля из Таллина «Хортус музикус», вызвали восхищение Олега и, в свою очередь, восхищались его игрой и

ставляло тот оазис любви, в который, словно в «чистый, как детство, немецкий мотив», погружались вслед за музыкантами слушатели и где чаще всего происходили заветные свидания с милыми нам тенями... Когда-то, еще во время учебы, уже известная виолончелистка Наталия Гутман встретила в коридоре консерватории юного скрипача с золотой копной волос на го-

редким в наше время человеческим благородством.

Но некоей музыкальной и эмоциональной доминантой фестиваля оказался безусловно Иоханнес Брамс, чьи сочинения были сыграны в четырех из семи концертов. Фортепианный квартет, Вторая симфония, струнный секстет и кларнетовый квинтет – все это со-

лове (только что отмеченного первыми премиями на конкурсах имени Сибелиуса и Баха) Олега Кагана и обратилась к нему с вопросом: «А не сыграть ли нам Двойной концерт Брамса?..» С тех пор они исполняли это произведение более двадцати лет...

Не будет преувеличением сказать, что душой фестиваля была

Наталия Гутман, сыгравшая в пяти концертах.

Мне давно хотелось сделать набросок ее портрета. Отчего только набросок, спросите вы, разве объект не достоин академического портрета? Но попробуйте, если вы не Леонардо и не Дюрер с их исследовательской страстью, величайшим мастерством и трудолюбием, написать портрет певчей птицы, перелетающей ежeminутно с ветки на ветку.

Она всегда появляется на московском небосклоне, «как беззаконная комета в кругу расчищенных светил», всего на несколько дней, несколько раз в году, дает один или два концерта и, оставляя за собой светящийся шлейф восхищенных воспоминаний об этих концертах, мчится дальше.

Сколь бы превосходными ни оказывались ее выступления, она всегда недовольна собой. К такой требовательности приучили ее с детства родители и учителя. (Среди последних числятся, между прочим, такие столпы отечественной виолончельной школы, как Мстислав Ростропович и Галина Козолупова, подарившая миру не только выдающихся учеников, но и сына – великого оператора Георгия Рерберга. Приглашая его снимать со мной фильм «Олег Каган. Жизнь после жизни», я и не знал, что он знаком с Наташей с детства.)

Еще учась в музыкальной школе, Наташа, будучи недовольной

своим исполнением сонаты Шуберта «Арпеджионе», едва сойдя с эстрады, бурно расплакалась, несмотря на успех у публики. «Отчего ты плачешь? Ты же хорошо сыграла», – успокаивали ее учителя. «Не надо меня жалеть. Мне себя не жалко. Мне Шуберта жалко...» – отвечала юная виолончелистка, размазывая по щекам безутешные слезы.

Вот это начало – самоотверженное служение музыке как таковой, а не своему имиджу, своему успеху – и является определяющим для музыкантов такого уровня, как Наталия Гутман. Посмотрите на ее руки, и вы увидите: что бы она ни делала, все ее жесты имеют такой посыл, будто они устремлены к инструменту, а пальцы рук всегда сгруппированы так, что готовы лечь – одни на гриф, другие – на смычок. Она живет в постоянном объятии с музыкой, не размыкая его ни на мгновение.

Сколько раз я ни слушал в исполнении Н. Гутман вариации Р. Штрауса «Дон Кихот», я не могу, да и, честно сказать, не хочу сдерживать слезы в сцене смерти героя. Потом, когда над участью страдальца пропоет финальная птичка, я всякий раз думаю: какой беззаветной сердечной щедростью, каким мастерством надо обладать, чтобы с такой полнотой проживать на сцене эти минуты. И мне в который раз становится жалко и себя, и Наташу, и Шуберта, и Кагана, и, разумеется, Рыцаря Пе-

чального Образа, и даже стало жаль немного ту певицу, чей нескончаемый лимузин перегородил дорогу к консерватории (она спешила отнюдь не туда), и я взгрустнул от того, что ее большое сердце, укутанное в мягкую обивку автомобильного салона, не сожмется от сладостной боли при последнем вздохе героя – увы, явно не ее романа.

Наташа спит четыре часа в сутки. Как Наполеон. И так же трудно, как императора без непременно подзорной трубы, представить себе Наталию Гутман без телефонной трубки. Ей звонят непрерывно. Во время репетиций, занятий с учениками, во время еды – звонят импресарио, партнеры, ученики и их родители, друзья и дети друзей... И каждый раз – а значит, каждые несколько минут – она вздрагивает от звука звонка и перед выходом на сцену просит ведущую концерт обратиться к публике с призывом отключить мобильные телефоны... Думаю, в ближайшем будущем кто-нибудь из композиторов догадается вписать в партитуру партию телефона и сам же ее исполнит...

Но какая богатая творчеством, дружбой, любознательностью, а также знаниями и любовью, не зависящими друг от друга, – какая богатая жизнь умещается между телефонными звонками!

Работая над фильмом об Олеге Кагане, я просматривал семейный фотоархив Н. Гутман и О. Кагана и

невольно обратил внимание на большие конверты, на которых крупным, четким почерком было написано: «Н + О». Заметив мой интерес, Наташа рассказала, что однажды к ним в гости пришел Святослав Теофилович Рихтер. Увидев огромный ворох в беспорядке сложенных фотографий, он не поленился потратить несколько часов на то, чтобы разобрать их и разложить по конвертам. Тогда же появились на конвертах эти написанные его рукой инициалы, в которых знак сложения подразумевает следующий за ними знак равенства.

Я слушал игру Наташи и думал о тех, кого «тесней, чем сердце и предсердье» зарифмовала рука Maestro.

И вспоминал слова Ю. Башмета, сказанные им об Олеге Кагане: «Если все будет хорошо на Земном шаре, если человечество будет любить классическую музыку, верить в Бога и заниматься самосовершенствованием, то тогда, может быть, в XXI веке Олег станет идеалом...»

Музыканты, игравшие в концертах фестиваля, были достойны того, кому они посвятили свои выступления. Жаль, что телевидение не снимало хотя бы некоторые из этих концертов. Когда-нибудь мы об этом еще пожалеем. Но это случится уже в XXI веке – веке Олега Кагана и немногих, ему подобных.

Андрей ХРЖАНОВСКИЙ